



**О.Н. Волкова,**  
кандидат физико-математических наук, профессор  
Департамента финансов  
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург  
E-mail: volkova@rambler.ru  
ovolkova@hse.ru

Чем больше информации мы имеем о мире,  
тем больше мы дистанцируемся от того,  
что на самом деле происходит, и тем меньше  
мы способны понять полную его сложность.  
*Х. Тсукас. Тирания света (Tsukas, 1997. P. 833)*

## Прозрачность как финансовая категория

### On the concept of transparency in finance

---

**Аннотация.** Одним из ключевых концептов в современных западных исследованиях и практиках, связанных с экономикой, политикой, устойчивым развитием общества, распределением ресурсов, корпоративным управлением и др., является концепт прозрачности, обеспечение которой в обществе в целом и на финансовых рынках в частности является одной из значимых функций многих социально-экономических институтов, в том числе институтов учета и финансов. Целью данной работы является анализ концепта прозрачности применительно к финансовой сфере. В работе использован институциональный подход; объектами анализа служат практики учета, аудита, раскрытия финансовой информации; основной метод исследования — критический дискурс-анализ. Рассматриваются особенности подходов к определению прозрачности, инструменты и механизмы ее реализации в финансовой сфере, преимущества и проблемы, связанные с практиками финансовой прозрачности. Показано, что основными механизмами прозрачности служат раскрытие и публикация информации об экономических субъектах в публичном пространстве, а инст-

**Abstract.** The concept of transparency is one of key concepts in the modern researches and practices in economy, policy, sustainable development, resource allocation, corporate management, etc. Ensuring of transparency in society in general, and in the financial markets, in particular, is one of significant functions of many social and economic institutes, including institutes of accounting and finance. The purpose of this paper is to analyze the concept of transparency in finance and accounting. Institutional approach is applied in this research. The subjects of the analysis are practices of accounting, audit, disclosure of financial information and assessment of assets. The basic method of a research is critical discourse analysis. We consider the approaches to transparency determination, tools and mechanisms of its implementation in the financial sphere, the benefits and problems associated with practices of financial transparency. It is shown that the main mechanisms of transparency on financial markets are disclosure and publication of information about economic actors in public space, and the tools of financial transparency are financial accounting, financial reporting and audit. The main advantages of transparency are marked; they are the reduction of

---

рументами — бухгалтерский учет, отчетность, аудит, квантификация и стандартизация. Основными достоинствами прозрачности признаются снижение рисков и возможности управления на расстоянии, а проблемными аспектами — оценка акторов по «картинке», сформированной специально для этой оценки, возможные рыночные паники в кризисные периоды и поддержка процикличности финансовых рынков. Обсуждается роль оценки активов по справедливой стоимости в финансовых кризисах последних двадцати лет: показано, что справедливая стоимость не может являться причиной финансового кризиса, но может служить его акселератором. При обсуждении вопроса о том, следует ли стремиться к повышению прозрачности на финансовых рынках, показано, что выбор акторов сейчас — лишь выбор стратегии, а сама прозрачность является императивом, не подлежащим обсуждению. Работа завершается основными выводами и предложением направлений дальнейших исследований.

**Ключевые слова:** прозрачность, учет, аудит, раскрытие информации, процикличность на финансовых рынках, справедливая стоимость

uncertainty in society and markets, the decrease of financial losses risks and a possibility of remote control. The problem aspects of excessive transparency are possible panic during the crisis periods and the support of procyclicality of the financial markets. The role of fair value assessment during the financial crisis of 2007-2009 is discussed. It is shown that fair value is not the reason of crisis, but its accelerator. In the conclusion the question of whether it is necessary to support the increase of transparency in the financial markets is discussed.

**Key words:** transparency, accounting, audit, financial disclosure, procyclicality on financial markets, fair value accounting

## Введение

Обеспечение информационной прозрачности в обществе в целом и на финансовых рынках в частности является одной из значимых функций многих социально-экономических институтов, в том числе институтов учета и финансов.

В данной работе мы рассмотрим особенности современных подходов к определению прозрачности, инструменты и механизмы ее реализации в финансовой сфере, преимущества и проблемы, касающиеся практик финансовой прозрачности, связь прозрачности и доверия. В заключении обсудим вопрос о том, следует ли стремиться к повышению прозрачности на финансовых рынках.

В работе будет использован институциональный подход<sup>1</sup>: объекты нашего анализа — учет, аудит, раскрытие финансовой информации. Квантификацию и стандартизацию будем рассматривать как совокупность институционализированных практик. Основной метод исследования — критический дискурс-анализ.

### Прозрачность. Вопросы терминологии

При обсуждении проблем современного общества очень важны ключевые слова (концепты), характерные для каждого дискурса —

политического, экономического или иного. Слово или выражение становится ключевым, когда оно начинает доминировать при обсуждении каких-либо тем или методологических вопросов или символизирует собой некоторую систему взглядов [Williams, 1976].

В современных западных исследованиях и практиках, связанных с экономикой, политикой, устойчивым развитием общества, распределением ресурсов, корпоративным управлением и др.<sup>2</sup>, одним из ключевых является концепт прозрачности, который неразрывно связан с целями и идеей контроля в социально-экономических системах.

*Прозрачность* означает свойство объекта: доступность его структуры, внутренних связей и некоторых свойств для наблюдения внешним по отношению к объекту акторам. Данное определение универсально и может относиться как к физическим объектам, так и к изучаемым в рамках социально-экономических наук, в которых прозрачность реализуется через выстраивание политик, процедур и выработку практик, которые позволяют акторам (гражданам, организациям, институтам) иметь доступ к информации, которой распоряжается власть (общественная, политическая или внутриорганизационная), а воз-

возможность использования этой информации обеспечивается ее пониманием пользователями. Отметим, что, помимо информационного, важен и властный аспект этого определения: прозрачность способствует осуществлению отношений власти, подотчетности.

Традиционно подотчетность означает полномочия и ответственность за принятие финансовых решений, однако в более широком контексте, в современных социально-экономических исследованиях и практиках она понимается как свойство субъекта<sup>3</sup> — личности, группы людей, организации, социального института или социального пространства — быть, во-первых, представленным во внешнюю среду посредством некоторых языковых или семантических средств, понятных в этой внешней среде, во-вторых, изменяться под действием отклика из этой среды и при этом, в-третьих, обладать свойством счетности<sup>4</sup>. Так, сотрудники организации представлены своим руководителям посредством должностных инструкций, регламентов, отчетов; руководитель компании, в свою очередь, отвечает перед ее владельцами в соответствии с условиями своего контракта; корпорация может быть представлена во внешней бизнес-среде на языке учета, отчетности или маркетинга; социальный институт прав собственности — посредством системы нормативного регулирования, обычаев и традиций в государстве. Все эти субъекты меняются сами в процессе взаимодействия с другими акторами, вызывают изменения в этих акторах и в правилах отношений между ними.

Следует отметить, что вместе с термином «прозрачность» в литературе по учету часто встречается и термин «транспарентность» (см., напр.: [Ковалев, 2011, с. 352; Рожнова, Игумнов, 2012]), однако в других, кроме учета, экономических, социальных и правовых дискурсах он употребляется крайне редко.

### **Механизмы и инструменты финансовой прозрачности**

Главными *механизмами* обеспечения финансовой прозрачности являются раскрытие и публикация информации об экономических субъектах.

Под *раскрытием информации* мы понимаем действия лиц, уполномоченных экономическим субъектом (актором), по формированию релевантной (позитивной и негативной)

информации, предназначенной для публичного использования всеми заинтересованными лицами при принятии ими решений. В контексте финансовых рынков термин «раскрытие» (disclosure) касается информации, имеющей отношение к компании, которая может влиять на инвестиционные решения. Раскрытие информации на финансовых рынках, как правило, регламентируется законодательством, профессиональными и биржевыми стандартами и т.п. В более широком контексте раскрытие информации в социально-экономических системах и субъектах подразумевает решения самого разного характера, необязательно инвестиционные — организационные, кадровые и др.

Информация финансового и нефинансового характера относительно всех сфер деятельности, в которые вовлечен актор, а также результатов всех видов аудита формируется как самими акторами, так и внешними по отношению к нему агентами, например рейтинговыми агентствами. *Публикация* сформированной информации делает ее доступной неограниченному кругу лиц через средства массовой информации, сеть Интернет и по другим каналам.

В качестве основных *инструментов* обеспечения прозрачности на финансовых рынках можно рассматривать учетные практики. К учетным практикам в системах власти и управления, помимо всех ветвей бухгалтерского учета (финансовый, налоговый и др.), мы относим все виды аудита и организационного контроля, в том числе нефинансовых показателей, все виды деятельности, в названии которых есть слова «учет» или «аудит» и прилагательные (миграционный, статистический, экологический, воинский и т.д.) или дополнения (персонала, публикационной активности и др.), а также все системы формирования и использования количественных показателей, которые могут быть использованы при принятии решений в социально-экономических системах.

Рассмотрим основные категории учетных практик, важных для обеспечения финансовой прозрачности; список этот не исчерпывающий и может, вероятно, быть дополнен уже сейчас, в будущем почти наверняка практики прозрачности будут множиться.

**Бухгалтерский учет.** Учетных практик много, однако основной из них в традиционном

восприятию как профессионального сообщества, так и непрофессионалов является «бухгалтерский» учет — совокупность методов и методологий обработки финансовой информации, касающейся хозяйственной деятельности организаций и представления ее пользователям<sup>5</sup>. Зародившись в Северной Италии в самом начале 2-го тыс. н.э. как система техник отражения информации о финансовых операциях, к настоящему времени институт учета превратился во всеобъемлющую информационную среду, охватывающую бизнес, системы власти и управления, социальные отношения в обществе. Если на первых этапах формирование института учета определялось экономическими, социально-политическими и культурными инновациями (коммерческая революция X—XIV вв. в Северной Италии, буржуазные революции в Нидерландах и Англии XVI в., промышленное развитие США и Великобритании XIX в.; переход от аудиальных к визуальным формам передачи информации и др.), то в XX в. уже учетные методологии служат значимыми факторами развития социальных и экономических институтов [Волкова, 2014 (а)], в том числе финансовых рынков, услуг общественного сектора (образование, здравоохранение и др.), управления.

Развитие института учета за тысячу лет его истории происходит в сторону увеличения прозрачности процедур и результатов его функционирования: от объективности расчета результатов финансовых вложений участниками сделок (XII—XIV вв.) к обеспечению устойчивого развития социальных систем и справедливого доступа к общественным благам и ресурсам (конец XX — XXI в.). Развитие и постоянная трансформация этого института на протяжении столь долгого времени является подтверждением гипотезы [Alchian, 1950, p. 213—214] о выживании тех институтов, которые лучше всего способствуют решению проблем, стоящих перед экономическими и социальными системами.

По отношению к учету прозрачность можно трактовать двояко: как свойство, внутренне присущее учетным практикам (простая регистрация какого-то факта сохраняет эту информацию и делает ее доступной при других обстоятельствах как минимум для самого регистратора), либо как внешний эффект — дополнительные преимущества, которые дают обществу и отдельным акторам учетные прак-

тики, предназначенные изначально для других целей (так, например, запись хозяйственных операций, первоначально осуществлявшаяся для целей обеспечения сохранности имущества, сделала возможным контроль со стороны других лиц). В обеих трактовках учет и прозрачность неразделимы.

**Финансовая отчетность.** В отечественной экономической литературе прозрачность наиболее часто используется в дискурсе, связанном с финансовой отчетностью компаний. Первые усилия по стандартизации финансовой отчетности были предприняты в конце XIX в. для компаний, котирующихся на Нью-Йоркской фондовой бирже, и процессы эти не прекращаются до сих пор. Национальные и международные стандарты финансовой отчетности разрабатываются, внедряются, критикуются, совершенствуются и вновь внедряются; сама отчетность публикуется, перекладывается<sup>6</sup>, корректируется — все это позволяет отнести финансовую отчетность и связанные с ней процедуры к учетным практикам.

В контексте финансовой отчетности прозрачность понимается как «интерпретируемость данных... применяется именно к отчетным данным, т.е. данным, служащим средством коммуникации, и означает, во-первых, достоверное и непредвзятое (добросовестное) представление в отчетности всех активов и обязательств фирмы; во-вторых, наличие в отчетности данных, включая аналитические расшифровки, примечания и пояснения, достаточные для формирования объективного представления о финансовом состоянии компании» [Ковалев, 2011, с. 352].

Отчетность есть моментный портрет организации, представленный по состоянию на определенную дату. Эта «картинка», с одной стороны, побуждает сторонних акторов принимать собственные решения с учетом этой информации, а с другой стороны, ожидания сторонних акторов относительно того, что они увидят в этой «картинке», стимулируют компанию к формированию отчетности определенным способом<sup>7</sup> и к максимизации или минимизации определенных показателей. Таким образом, финансовая отчетность и практики ее представления рефлексивны — отчетность делает компанию прозрачной для финансовых рынков, но сами рынки определяют требования к прозрачности. Кроме того, прозрачность определяет двунаправленный ха-

рактика взаимодействия акторов, связанных с финансовой отчетностью: она структурирует отношения организации с акторами из внутренней и внешней среды, их запросы и события откликов на эти запросы.

**Аудит.** Так же как учет, аудит можно рассматривать в узком и широком смысле. Отечественные авторы (и учебников, и журнальных публикаций) рассматривают аудит в узком смысле как профессиональную деятельность по проверке финансовой отчетности организаций (см., напр.: [Шеремет, Суйц, 2006, с. 20; Булыга, 2012, с. 9—10]). В западной практике аудит понимается гораздо шире: в последние два-три десятилетия он стал всеобъемлющей практикой формализованной оценки людей, организаций, программ и многих других объектов [Power, 1997; Strathern, 2000], соотнесения этих объектов с эталонами или ранжированием. Безусловно, в контексте финансовых рынков прозрачность, обеспечиваемая финансовым аудитом, играет самую важную роль, однако в последние годы заметна тенденция демонстрировать инвестиционному сообществу и результаты аудита нефинансовых аспектов деятельности компаний. Об этом свидетельствуют рост важности нефинансовой отчетности (экологической, интегрированной, о социальной ответственности, об устойчивом развитии и пр.), которую публикуют компании, а также участие в заверении этой отчетности сторонними акторами, в первую очередь аудиторскими фирмами. По нашему мнению, эти тенденции свидетельствуют о том, что и менеджмент компаний, и инвестиционное сообщество воспринимают аудит и другие инструменты прозрачности как возможности противостоять риску потери контроля на быстроменяющихся рынках.

**Квантификация.** Прозрачность в современном обществе невозможна без квантификации, которую можно определить как производство чисел и коммуникацию посредством них (Espeland, 2008, p. 407). Числа позволяют «видеть», «различать», сравнивать объекты, среды и реальности. Важную роль в управлении финансами играют и визуальные формы представления числовой информации — графики роста показателей, таблицы бюджетов, привычные форматы финансовой отчетности и т.п.

В контексте прозрачности важны две основные формы квантификации — числа как

номинализаторы, предназначенные для того, чтобы «обозначать что-то», и числа-измерители (нумераторы), предназначенные для того, чтобы «посчитать что-то». В первом их измерении числа предназначены для того, чтобы обозначить некоторый объект, лицо или место, дать ему имя. Примером таких номинализаторов в учете может быть нумерация счетов или отчетных форм<sup>8</sup>. Система численоминализаторов может быть сложной и иерархически устроенной, как, например, система классификаторов ОКПО, в учете же она имеет место в виде субсчетов и аналитических счетов, глубина нумерации которых определяется потребностями компании в дифференциации объектов учета и возможностями применяемой информационной системы. Числа-нумераторы выполняют другие функции — квантифицируют различия между объектами, формируя тем самым единые пространства, объекты внутри которых можно сравнивать, упорядочивать, ранжировать, сопоставлять, выявлять отношения между ними. Очевидный пример учетных данных такого рода — денежные оценки активов, обязательств, доходов и расходов. Однако есть и более сложные примеры — это секьюритизация или коммодитизация активов — превращение в торгуемые (и поэтому оцениваемые) активы договоров займа, производных ценных бумаг, квот на вредные выбросы в атмосферу и т.п.

Квантификация важна для обеспечения подотчетности всех типов и уровней. Как один из инструментов прозрачности, она может стать частью крупных экономических и социальных проектов, делая возможными другие техники, практики, идеологии. В частности, тот факт, что годовые и квартальные отчеты компаний содержат все больше информации, количественной и качественной, преимущественно квантифицированной, заметно расширяет возможности принятия решений ее пользователями по управлению собственными активами, в том числе удаленными.

Тем не менее рассчитывать, что квантификация дает однозначно объективную картину, не приходится. В отличие от качеств, измеряемых в относительно объективных показателях пространства и времени, финансовая картина формируется денежным измерителем, который сам по себе относителен; особенно очевидно это для международных финансовых сетей и компаний. Такого рода проблемы сопоставимости были актуальны уже в Средние

века, когда мультивалютные операции были весьма распространенными, а ценность разных валют зависела от массы факторов, отнюдь не всегда рыночных. В современных экономиках доверие к объективности денежных измерителей падает в периоды резких колебаний курсов валют, когда отчетность, составленная в одной валюте, может представлять совсем иную картину финансового состояния, нежели отчетность того же субъекта за тот же период, составленная в другой валюте.

**Стандартизация.** Под стандартизацией мы понимаем процессы разработки, внедрения и поддержания в актуальном состоянии стандартов, т.е. правил, норм и нормативов, способствующих повышению эффективности совместной деятельности акторов<sup>9</sup>. В контексте финансовых рынков важнейшую роль играют стандарты бухгалтерского учета<sup>10</sup>, составления и представления отчетности, аудита и т.п., реализованные в виде нормативных актов, методических рекомендаций; за их разработку, внедрение, изменения отвечают профессиональные организации, органы государственного управления и контроля. Процессы стандартизации в финансовом учете, начавшиеся в конце XIX в., привели к созданию сначала национальных (в США), а затем и мировых финансовых рынков. Многие современные стандарты в финансовой сфере (в частности, стандарты аудита) можно рассматривать как способы квантификации, т.е. установления качеств объекта, их измерения и установления соответствия объекта эталону.

В социальных науках позитивистское представление о том, что измерения и квантификация только описывают объекты, неверно: эти процессы их изменяют. Обращение качеств в количественные характеристики, упорядочивание и ранжирование объектов создают новые отношения между ними, между измеряемыми объектами и внешним миром. Пожалуй, наиболее известные примеры формирования новых социальных явлений в процессе измерения дают работы М. Фуко [Foucault, 1970, 1979, 2007, 2010] и его последователей. В учетном контексте эти эффекты исследовались многими авторами (см., напр.: [Hoskin, Macve, 1986; Dickhaut et al., 2010]).

В настоящее время стандартизация учета рассматривается как важная часть процедур государственного и национального строительства, объединяющих политиков, управленцев

и общество [Bruno et al., 2006], а стандартизация налогового учета — как инструмент формирования не только бюджетных и финансовых политик, но и социальных, в отношении рабочей силы, пенсионных обязательств и др.

### **Всегда ли хороша прозрачность на финансовых рынках?**

Роль прозрачности на финансовых рынках оценивают, как правило, позитивно. И во внутривнутригосударственном, и в международном контексте обеспечение прозрачности корпоративной отчетности, в том числе гармонизации корпоративных информационных систем разных стран, считается основным направлением снижения риска инвесторов [Fung et al., 2007, p. 183—215].

При наличии информации, представленной в соответствии с прозрачными, объективными процедурами, становится проще принимать решения относительно инвестирования, контрагентских отношений, оценки эффективности и сравнения с целевыми показателями, управления собственными активами в сегментах, рассеянных по всему миру. Особенно важными эти возможности представляются в связи с увеличением рисков и неопределенности в экономиках и социальной сфере в целом.

Тем не менее, на наш взгляд, прозрачность и в финансовой отчетности, и в процессах управления не является однозначной и бесспорной ценностью. Уверенность в том, что прозрачность обеспечивает благоденствие каждой организации и обществу в целом, — это заблуждение. Даже с позитивистской точки зрения<sup>11</sup> результат зависит от методологии измерения свойств объекта: в учетном контексте очевидно, что картина финансового состояния организации, представленная в ее финансовой отчетности, будет сильно зависеть от выбранных принципов оценки статей, стандартов, учетной политики и т.д. С точки зрения конструктивиста<sup>12</sup>, сами способы, которыми мы измеряем какие-то свойства и обнародуем результаты этих измерений, определяются социальными и политическими интересами как внешних, так и внутренних стейкхолдеров (участников) анализируемого субъекта — тех, кто инвестирует в создание и применение инструментов контроля. Если в качестве субъектов рассматривать отдельные организации, тогда картина, представленная в

их отчетностях, будет определяться интересами государства, участников финансовых рынков или руководства (для отчетности налоговой, финансовой или управленческой соответственно); на макроуровне объектами измерения и воздействия могут быть рынки или государственные структуры — и тогда картина рыночных индикаторов эффективности или бюджетных расходов будет определяться правилами, заданными политиками, финансовыми регуляторами или законодателями. А на рынок аудита влияют даже сиюминутные политические интересы и текущие события: примером тому может служить предлагаемый в 2014 г. депутатами Госдумы РФ законопроект о запрете аудита госкомпаний для иностранных аудиторских компаний (читай: компаний «большой четверки») <sup>13</sup>, который, даже не будучи принятым, повлек за собой передел российского аудиторского рынка.

Оперирование числами — социальное действие, и те, кто это осуществляет, как правило, желают, чтобы числа не только несли объективную информацию, но и обладали некоторыми эстетическими свойствами. Вкусы меняются со временем, и вместе с ними меняются стили и способы отбора информации и ее донесения до пользователя, формы представления отчетности всех типов. Самый наглядный пример представляет корпоративная отчетность, состоявшая еще 50 лет назад только из финансовых показателей, позднее прираставшая разного рода сведениями о структуре и масштабах компаний, их деятельности на рынках, экологической и социальной ответственности — и все это печатается сегодня в хорошем полиграфическом исполнении, публикуется в Интернете. Способствует ли это прозрачности или, наоборот, затеняет ее? Где граница между тем, что важно донести до общества, и тем, что будет для пользователя информационным мусором? И где граница разумности и достаточности требований к прозрачности, устанавливаемых внешними акторами? <sup>14</sup> Как компании могут удовлетворять этим требованиям, сохраняя должный уровень конфиденциальности? Ответов на эти вопросы пока нет.

Оборотную сторону прозрачности на финансовых рынках и в обществе демонстрируют следующие примеры.

**Разрыв реальности и «картинки».** Тенденция оценивать все и вся через внешние требования

посредством сопоставления представленного организацией «портрета» и эталона — характерная особенность современных технологий прозрачности. Как отмечалось выше, одним из инструментов финансовой прозрачности служит процесс формирования в отчетности «картинки» финансового состояния для разных групп пользователей. Если известен эталон и заданы правила, вполне понятно желание оцениваемых представить внешним пользователям именно ту «картинку», которая будет оценена максимально высоко. В этом случае обеспечение прозрачности для представления во внешнюю среду становится приоритетным, а реальная эффективность процессов, характеризующих деятельность актора, остается за кадром.

Требования прозрачности преобразовывают субъектность акторов, меняют характер практик, которые отчетность должна отражать, разрушая таким образом реальную результативность. Традиционный контроль качества и результатов с использованием инженерных и финансовых методов замещается административным контролем систем управления качеством и представления результата, а целью аудита все более и более явно становится «контроль контроля» [Pels, 2000, p. 142]. Подотчетность превращается в систему поддержания видимости и укрывания недостатков; управление посредством показателей становится управлением самими показателями [Tsoukas, 1997, p. 838].

Главным эффектом развития технологий прозрачности и подотчетности за последние три десятилетия многие исследователи (см., напр.: [Power, 2007; Bovens et al., 2014; Волкова, 2015]) признают разрыв реальности и «картинки», формируемой для внешних пользователей, тотальное превращение этой «картинки» в самоцель, замена реальности ее (само)репрезентацией. Смыслом такой модели прозрачности становится гонка за показателями, что приводит, помимо всего прочего, к падению доверия, нивелированию профессиональных ценностей и изменениям в профессиональных практиках.

Наглядный пример разрыва между «картинкой» и реальностью на финансовых рынках — это массовые банкротства крупнейших компаний. В недавней истории таких периодов было два. В начале 2000-х гг. — череда неожиданных банкротств компаний реального сектора США <sup>15</sup>, отчетность которых была

верифицирована известными аудиторскими фирмами как достоверная, но которая не отражала реального финансового положения компаний. «Реальность», которая была заключена в их отчетностях, была сформирована с прямой целью воздействовать на пользователя этих данных — инвестора. В 2007—2009 гг. новый финансовый кризис начался банкротствами крупнейших банков и финансовых компаний<sup>16</sup>; причина этих крахов, как предполагают многие эксперты, была связана с применением в отчетностях компаний особого подхода к формированию «картинки» финансового состояния — оценок по справедливой стоимости.

**Концепция справедливой стоимости (fair value).** Международными стандартами финансовой отчетности справедливая стоимость определяется как «цена, которая была бы получена при продаже актива или уплачена при передаче обязательства в условиях операции, осуществляемой на организованном рынке, между участниками рынка на дату оценки» (МСФО 13, п. 9<sup>17</sup>).

Широко используемая в различных экономических дискурсах с начала 1990-х гг. справедливая стоимость долгое время считалась лучшим инструментом прозрачности в бизнесе. Много лет связанные с ней концепты и практики, в том числе попытки насаждения МСФО в разных странах, обсуждались в профессиональной и академической литературе только в положительном контексте. С ней был связан и сверхоптимизм инвесторов на финансовых рынках в начале 2000-х гг.

На финансовых рынках, где привлекательность «картинки» финансового состояния субъекта в первом приближении определяется величинами принадлежащих ему активов, вполне естественно желание участников приукрасить эту картинку путем раздувания этих величин, а «справедливая стоимость», основанная на экспертном суждении, дает для этого массу возможностей. Такая оценка весьма вариабельна и зависит от множества факторов, объективных и, что более важно, субъективных. Оценка активов и обязательств по справедливой стоимости условна [Ковалев, Ковалев, 2012, с. 607] и применима лишь при условии полной информации, открытого и упорядоченного рынка, отсутствия посредников и принуждения к совершению сделки [Соколов, 2005, с. 77]. Тем не менее далеко

не все активы обращаются на таких рынках, а МСФО и US GAAP дают возможность оценить активы и в отсутствие открытого рынка (3-й уровень источников сведений о справедливой стоимости<sup>18</sup>). В этих случаях для оценки используются ненаблюдаемые входные данные, а исследователи отмечают, что такие оценки не являются эффективными для принятия экономических решений, поскольку руководство компаний в состоянии влиять на финансовые показатели или манипулировать ими для достижения собственных целей [Harris, Kutasovic, 2010].

Возможности для манипуляции финансовыми показателями, которые дает оценка активов по справедливой стоимости, как предполагают некоторые исследователи (см., напр.: [Leuz, Laux, 2009; Leuz et al., 2012]), если и не послужили причиной финансового кризиса 2007—2009 гг., то, по крайней мере, ему способствовали<sup>19</sup>. В периоды экономических подъемов двадцати предкризисных лет постоянный рост рынков стимулировал компании к все более рискованным финансовым операциям. Вновь приобретенные активы оценивались по справедливой стоимости, т.е. по рыночным ценам, завышенным в надежде на еще больший рост. Когда же надувшиеся биржевые пузыри лопнули, цены акций и других финансовых активов стремительно упали<sup>20</sup>. На балансах компаний, которые владели этими активами, остались лишь высокие заимствования. Обесценившиеся активы кредитуемых не могли более служить обеспечением кредитов, что привело к снижению качества активов уже самих кредиторов (банков) и сдуванию пузыря на кредитном рынке, когда из-за дефолтов компаний-заемщиков банки-кредиторы не могли реализовать по залоговой стоимости обесценившиеся активы и исполнить собственные обязательства. Это повлекло за собой крахи множества хозяйствующих субъектов — кредитуемых и кредиторов, в том числе крупнейших игроков, в реальном секторе и на финансовых рынках. Таким образом, можно говорить о том, что справедливая стоимость привносит процикличность на финансовые рынки [Wallison, 2008].

Впрочем, не все исследователи согласны с тем, что справедливая стоимость послужила причиной и даже ускорителем кризиса. Так, например, авторы [Gervasio et al., 2012] считают, что кризисы случаются не от бухгалтерских оценок, а от того, что волатильность



просто внутренне присуща финансовым рынкам. По меткому выражению авторов работы [Plantin et al., 2008], назначить справедливую стоимость «ответственным» за кризис сродни средневековому обычаю убивать гонца, принесшего плохую весть.

**Паники на финансовых рынках.** Нельзя не согласиться с тем, что риск внутренне присущ финансовым операциям. В контексте финансовых рынков прозрачность означает лишь доступность информации для пользователей, но не дает гарантии от потерь даже в периоды относительной рыночной стабильности.

Казалось бы, прозрачность должна обеспечивать объективность и снижать неопределенность при принятии решений на рынках, но именно в периоды высокой неопределенности, когда эта объективность нужнее всего, прозрачность начинает играть совершенно другую роль. В моменты финансовых кризисов информационная открытость, как правило, становится причиной паники и дополнительных рисков [Escaffre et al., 2008; Ryan, 2008]. Если рынок начинает падать, прозрачность информации, как правило, стимулирует дальнейшее падение и расшатывает рынок. «Биржевые крахи — выражение убийственной прозрачности... молниеносного смещения ценностей» [Бодрийяр, 2000, с. 58] — примеры этому дают биржевые кризисы XX и XXI вв.

Концептуальные подходы к учетным оценкам активов и обязательств, так же как и требования прозрачности, формируются и поддерживаются финансовым сообществом. Актеры внутри компаний — их менеджеры и бухгалтеры — действуют в соответствии с этими подходами и требованиями. Фактически при той свободе, которую дает справедливая стоимость при формировании финансовой картинки, предназначенной внешним пользователям, прозрачность приобретает совершенно специфический характер: вместо отражения реальной результативности справедливая стоимость дает внешним акторам свободу трактовки этой «картинки».

Актеры, которые регулируют прозрачность на финансовых рынках, прикладывают немалые усилия (или, по крайней мере, декларируют это) для обеспечения гарантий уверенности внешних участников. Профессиональные объединения разрабатывают новые и пересматривают существующие стандарты учета

и отчетности, а финансовые регуляторы — государства — устанавливают новые требования к раскрытию информации, санкции за нарушение правил и др. Все эти действия и правила, однако, ничего не гарантируют участникам рынков ни в пиковые периоды кризисов, ни после них.

Все примеры негативной роли прозрачности на финансовых рынках при всех их различиях можно рассматривать в одном контексте — в периоды рыночной стабильности проблемы с финансовыми технологиями прозрачности незаметны, а проявляются они только тогда, когда кризис уже входит в острую фазу. Кризисы, а вернее, пики и спады в показателях — особенность экономического развития вообще, характерны они и для финансовых рынков в частности. Волатильность и цикличности внутренне присущи всем экономическим показателям, в том числе финансовым — с этим трудно спорить. Следовательно, никакие технологии прозрачности не могут считаться *причиной начала* кризиса. А вот процикличность на финансовых рынках — *усиление кризисных явлений*, которые уже имеют другие причины, — на наш взгляд, вполне может быть объяснена применением оценок активов по справедливой стоимости и других инструментов прозрачности.

Нужна ли тогда прозрачность, если она только усиливает кризисные явления? Во многих случаях, особенно когда стабильность финансовых рынков находится у опасной черты, ситуацию лучше всего решать за закрытыми дверями. Именно так и происходит в критические моменты, когда финансовые регуляторы и центробанки стран, испытывающих финансовые трудности, принимают срочные и не всегда популярные решения. В качестве примера таких действий можно привести, в частности, выкупы в 2008—2009 гг. долговых обязательств банков и других финансовых институтов США, Великобритании, Исландии, так же как и публично объявленные отказы от таких выкупов<sup>21</sup>. Отечественным примером быстрой и закрытой для публичных обсуждений реакции на панику на валютном рынке были события декабря 2014 г., когда ЦБ РФ принимал достаточно неожиданные решения<sup>22</sup>.

С другой стороны, если государственные органы будут иметь право решать, когда «закрыть дверь» и какой уровень прозрачности

стоит допустить в данный момент, кто будет гарантировать права участников рынка, чтобы не допустить полной потери доверия? И где должны заканчиваться гарантии конфиденциальности для участников внутренних? Ответов на эти вопросы пока нет ни в правовом поле, ни в практиках управления, ни в теоретических исследованиях.

### Прозрачность и доверие

Увеличение доверия, как правило, рассматривается как обязательное следствие внедрения практик и механизмов прозрачности. Однако этот тезис в каждом конкретном случае требует доказательства. Связь прозрачности и доверия на финансовых рынках и в обществе неоднозначна, да и сама концепция доверия в социуме претерпевала сильные изменения многократно.

Характерное для докапиталистического периода доверие, основанное на личных связях, родственных и деловых, в период бурной социализации капитала стало трансформироваться в доверие сначала информации, исходящей от доверенных лиц, а потом и просто стандартам и правилам представления такой информации [Beniger, 1986, p. 126—127]<sup>23</sup>.

Во второй половине XIX в. вместе с развитием капиталистической промышленности и финансовых рынков в США, а несколько позднее — и в Европе главный объект доверия в обществе начал смещаться от доверия числам к доверию авторитетам-профессионалам: дипломированным консультантам, сертифицированным бухгалтерам, лицензированным аудиторским фирмам и их экспертным мнениям.

Век спустя, к концу XX в., доверие авторитетам и экспертам, личностям или институтам опять трансформировалось в доверие числам «картинки», которые складывались в «механическую объективность» [Porter, 1995], основанную на стандартных, прозрачных для всех посвященных правилах манипулирования числами<sup>24</sup>.

Эти процессы заметны теперь уже не только в бизнесе, но и в образовании, здравоохранении и других сферах, которые еще недавно считались полем профессиональных, а не учетных технологий. Там, где решения принимались на основе доверия, социальной справедливости и профессиональной этики, теперь их определяют «прозрачность» и «объективность». Даже в системах государственно-

го управления, где значительная часть информации носит нефинансовый и вообще неколичественный характер, к началу 2000-х гг. широкое распространение получили практики квантификации этой информации (оценки социального эффекта, рейтингование регионов и социально-экономических программ и др.) и ее представления на всех уровнях подотчетности<sup>25</sup> (см., напр.: [Carnegie, West, 2005; Афанасьев, Кривоногов, 2007]).

Причина таких изменений видится нам в смене парадигм доверия, которая произошла к концу XX в., но не была осознана ни обществом, ни государством, ни финансовым сообществом. От парадигмы «доверия авторитетам» с их правом принимать решения на основе профессионального суждения, без обсуждения процессов принятия таких решений, общество фактически перешло к доверию процедурам и стандартам, доверию к «картинке», сформированной по установленным правилам. Вместо доверия результату мы доверяем теперь процессам получения результата.

Именно этим, сменой парадигмы доверия, можно объяснить расцвет институтов аудита, консалтинга, международных стандартов отчетности, качества, социальной ответственности и технической безопасности, которые мы наблюдаем в последние четверть века<sup>26</sup>. Ключевое слово при обсуждении вопросов управления теперь — «аудит» [Power, 1997; Strathern, 2000], который первоначально был весьма специфической практикой верификации достоверности финансовой отчетности, а с середины XX в. начал проникать во все области экономической деятельности и во множество социальных практик<sup>27</sup>.

За полвека аудит трансформировался во всеобъемлющую систему ритуалов верификации — оценки соответствия субъекта заданным извне требованиям<sup>28</sup>. М. Пауэр [Power, 1997] объясняет этот факт требованиями большей подотчетности и контроля со стороны политической власти, однако, нам кажется, что этот запрос вторичен и политические акторы этими требованиями отвечают уже сложившимся и все более усложняющимся социальным практикам. Постоянно совершенствующиеся процедуры квантификации, ранжирования, сопоставления с эталонами и контрольными показателями отражают характерное для современных обществ в целом стремление к тотальному контролю посредством прозрачности и подотчетности и отнюдь

не способствуют росту доверия. Более того, исследования практик государственного управления показывают, что во многих случаях «прозрачность уменьшает впечатление компетентности власти, выставляя на обозрение всю нерациональность процесса принятия политических решений<sup>29</sup>» [Прозрачность..., 2013. С. 9].

Так это или нет, но современные ритуалы верификации не только удовлетворяют потребность акторов в уверенности, но и привносят собственные ценности в обычные социальные практики, внося разупорядоченность и непредвиденные последствия в деятельность аудируемых субъектов, наподобие упоминавшихся выше паник на рынках или нестабильности в академической среде (см., напр.: [Волкова, 2014 (в)]).

Все это позволяет сделать вывод, что современные механизмы прозрачности не способствуют росту доверия, а лишь меняют его качество. Развитие разных видов финансового и нефинансового аудита, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует также о потере профессиональной автономии и доверия в обществе в целом [Shore, Wright, 2000, p. 83—84], что тоже вносит вклад в понимание природы прозрачности как замены доверия.

### **Следует ли стремиться к росту прозрачности?**

Для ответа на вопрос о том, стоит ли стремиться к дальнейшему росту прозрачности в финансах, следует разделить дискурс чисто учетный (микроуровень) от более общих, социально-экономических и политических дискурсов (макроуровень).

С точки зрения принятия решений на основе отчетности, более или менее прозрачной, на микроуровне нет оснований считать существующий уровень прозрачности недостаточным. Существующие сегодня подходы и инструменты раскрытия информации позволяют акторам вполне адекватно реагировать на рыночную ситуацию, особенно в периоды относительной экономической стабильности. Более того, как уже было показано, излишняя прозрачность имеет свои недостатки.

На макроуровне ситуация сложнее. Сторонники макроэкономических объяснений финансовых кризисов [Magan, 2009; Tarr, 2010; Wallison, 2011] считают, что развитию финансового кризиса 2007—2009 гг. способствовали макроэкономические факторы, а

бухгалтерские оценки (конкретно — справедливая стоимость) привносят процикличность на финансовые рынки лишь непреднамеренно, при недолжном уровне прозрачности относительно активов и подходов к их оценке. И хотя, по меткому замечанию Бодрийяра, «экстремальные явления, сами пребывая в тайном беспорядке, предотвращают, посредством хаоса, беспредельный рост порядка и прозрачности» [Бодрийяр, 2000, с. 100], фактически авторы большинства статей, считающие причинами кризисов общеэкономические процессы, рекомендуют в качестве лекарства от кризиса все ту же прозрачность.

За техническими аспектами учета всегда стоят политические интересы, а требования прозрачности — это современный язык взаимодействия финансовых институтов и властей. Хотя излишняя прозрачность только расшатывает рынок, акторы на финансовых рынках, как правило, требуют еще большей прозрачности как лекарства от всех недостатков прозрачности.

Для отдельных акторов это уже не вопрос выбора — следует ли стремиться к прозрачности или не следует — это вопрос выработки стратегий в мире, где прозрачность уже стала политической конвенцией, системой договоренностей власти с обществом, в том числе с профессиональными сообществами. Прозрачность все больше проникает во все социальные практики, и вопрос остается лишь в том, как реагировать на изменения рыночной ситуации в эпоху прозрачности.

Французский философ Жан Бодрийяр, говоря об обществе в целом, еще в 1990 г.<sup>30</sup> писал: «Современная революция — это революция неопределенности... Парадокс состоит в том, что мы надеемся ее избежать, наращивая информацию и коммуникации и делая тем самым неопределенность в отношениях еще более острой... бег по ленте Мебиуса только начинается» [Бодрийяр, 2000, с. 64].

### **Заключение: основные выводы и направления дальнейших исследований**

В данной статье рассмотрена прозрачность как доступность структуры, внутренних связей и некоторых свойств объекта для наблюдения за внешним по отношению к нему актором. Финансовая прозрачность — это свойство объектов, действующих в финансовой

сфере, — институтов, организаций, отдельных лиц, принимающих решения, и др.; она реализуется посредством способов (практик), которые позволяют акторам (гражданам, организациям, институтам и пр.) иметь доступ к финансовой информации и пользоваться ею. Главными механизмами обеспечения финансовой прозрачности мы считаем раскрытие и публикацию информации об экономических субъектах, а инструментами прозрачности — практики учета, отчетности, аудита, квантификации и стандартизации информационного обмена, которые за последние два десятилетия прочно укоренились во всех областях социальной и экономической жизни, власти и управления.

Следует отметить, что на развитие финансовой сферы в развитых странах в последние 20 лет все больше и больше влияют политические и правительственные институты, которые сами по себе находятся под все более усиливающимся давлением требований прозрачности со стороны общества, избирателей, международных организаций. Политическая подотчетность также реализуется посредством характерных для нее практик и инструментов. Влияют ли и повлияют ли в недалеком будущем требования политической прозрачности на прозрачность финансовую — также требует исследований. Вообще, властные аспекты финансовой прозрачности представляются нам весьма перспективным полем исследований.

Исследование показало, что прозрачность в финансовой сфере обладает двойственным характером: с одной стороны, это неотъемлемая черта финансовых практик (напр., финансовая отчетность делает компанию прозрачной для всех заинтересованных пользователей), с другой стороны, это внешнее требование к этим практикам (стандарты финансовой отчетности требуют, чтобы отчетность была представлена в виде, прозрачном для пользователей). Между этими аспектами нам видится обратная связь: требование прозрачности практик формируется обществом и рынками, но оно не возникает из ничего, оно само определяется на будущее той системой и уровнем прозрачности, которые уже демонстрируют сегодняшние практики. Это процесс постоянный; в контексте финансовой отчетности: чем больше характеристик компании позволяет нам видеть нынешний уровень финансовой прозрачности, тем больше мы видим «темных мест», которые она не отражает,

и тем больше требований предъявляем к отчетности на следующем витке развития стандартов учета и отчетности. Эти новые требования прозрачности меняют практики, так что завтрашнее взаимодействие практик прозрачности и требований к ним общества будет осуществляться на другом уровне. Какова сила этих эффектов, какие культурные или политические факторы могут служить усилению этих связей, роль каких акторов наиболее важна в этих взаимодействиях — вопросы, которые требуют дальнейших исследований.

В статье показаны разные подходы и точки зрения относительно важнейшей учетной концепции — концепции справедливой стоимости — и ее роли в финансовых кризисах последнего времени. Применение этой концепции перевело прозрачность в другую плоскость, но качественные оценки этого сдвига (хорошо это или плохо для компаний, рынков, финансовых агентов), на наш взгляд, неоднозначны, особенно в контексте общеэкономических спадов. Применение крупнейшими компаниями справедливой стоимости в учете вряд ли послужило причиной последних финансовых кризисов, но точно — их акселератором, причиной процикличности на рынках. Остается открытым лишь вопрос: повлияет ли на финансовую прозрачность (а если да, то как именно) возврат к принципу исторической оценки.

Требует дальнейших исследований и проблема взаимоотношений прозрачности и доверия. Нынешние тенденции развития практик прозрачности на финансовых рынках ведут к снижению доверия и изменению его качества и в конечном итоге — к замене доверия процедурами прозрачности. Однако пока не исследованы вопросы о том, как повлияют на финансовые рынки (их прозрачность и доверие акторов, действующих там) изменения прозрачности и доверия в политической, социальной культурной сферах. Было бы интересно решение и обратной проблемы: как прозрачность на финансовых рынках влияет и может повлиять в будущем на доверие в других сферах социальной жизни, на политические, социальные и культурные институты современного мира.

#### Список литературы

1. Афанасьев М.П., Кривоногов И.В. Модернизация государственных финансов: Учеб. пособие. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

4. *Болдырев И.А.* Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9.

5. *Боннер У., Уиггин Э.* Судный день американских финансов: мягкая депрессия XXI в. Челябинск: Социум, 2005.

6. *Бульга Р.П.* (ред.). Аудит: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

7. *Волкова О.Н.* Структура и эволюция социально-экономического института учета // Международный бухгалтерский учет. 2014 (а). № 26 (320).

8. *Волкова О.Н.* Концептуальное пространство учета в российской и зарубежной научной традиции // Международный бухгалтерский учет. 2014 (б). № 2 (296).

9. *Волкова О.Н.* Тотальная прозрачность: рейтинги и индексы в отечественном образовании и науке // Экономический анализ: теория и практика. 2014 (в). № 31 (382).

10. *Волкова О.Н.* Прозрачность, подотчетность и доверие в обществе // Вопросы экономики. 2015. № 2.

11. *Ковалев В.В.* Финансовый менеджмент; теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011.

12. *Ковалев В.В., Ковалев Вит. В.* Корпоративные финансы и учет. М.: Проспект, 2012.

13. *Ле Гофф Ж.* Средневековые и деньги: Очерк исторической антропологии. М.: Евразия, 2010. [Le Goff J. (2010). Le moyen age et l'argent: Essai d'anthropologie historique. Moscow: Eurasia.]

14. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

15. *Прозрачность и участие: Общественный контроль 2.0 в США и Европе. Аналитический доклад.* М.: Фонд «Фонд открытой новой демократии», 2013. <http://fondfond.org/wp-content/uploads/report-control.pdf>

16. *Рожнова О.В., Игумнов В.М.* Формирование и оценка транспарентной финансовой отчетности // Аудиторские ведомости. 2012. № 10.

17. *Ружанская Л.С.* Прозрачность компаний: экономическая целесообразность и проблемы регулирования // Экономическая политика. 2010. № 5.

18. *Соколов Я.В.* Судьба Международных стандартов финансовой отчетности в России // Финансы и бизнес. 2005. № 1.

19. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. [Fukuyama F. (2004). Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. M.: AST Publishing.]

20. *Шеремет А.Д., Суйц В.П.* Аудит: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2006.

<sup>1</sup> Следуя работам Д. Норта (см., напр.: [Норт, 1997]), в данной работе мы понимаем институт как «правила игры» в обществе. Представление об учете и разных его составляющих (в том числе аудите, финансовой и нефинансовой отчетности) как о социально-экономических институтах стало частью западных исследовательских программ в области экономических и социальных наук с начала 1990-х гг. [Norwood, Miller, 1994; Potter, 2005; Charman et al., 2009]. В российских публикациях институциональная парадигма в отношении учета пока проявляется только на уровне риторики.

<sup>2</sup> Об основных направлениях и результатах исследований см., напр., публикации проекта «Прозрачная политика» Школы управления им. Кеннеди Гарвардского университета: <http://www.transparencypolicy.net/publications.php>

<sup>3</sup> Отождествление объекта и субъекта весьма характерно для акторно-сетевой теории. В дальнейшем предмет нашего изучения мы будем называть обоими терминами, исходя из контекста и понимая, что, участвуя в процессах и процедурах прозрачности и подотчетности, объект (личность, институт, организация) может активно взаимодействовать со всеми остальными акторами, играя тем самым роль субъекта.

<sup>4</sup> Счетность в данном случае означает, что 1) свойства объекта дискретны, т.е. каждое свойство можно выделить для рассмотрения и представления отдельно от других, 2) каждое из свойств можно описать качественно (по крайней мере, назвать) и количественно, т.е. определить место этого объекта на некоторой шкале (по крайней мере, номинальной), по которой измеряется данное свойство. Счетность — необходимое условие квантификации (см. ниже).

<sup>5</sup> В нашей стране учет воспринимается исключительно как бухгалтерский даже в профессиональной среде экономистов, хотя в мировой практике и академической науке этот концепт понимается значительно шире.

Из всех подходов к определению природы учета [Волкова, 2014 (б), с. 20—21] в данной статье мы будем использовать те, в рамках которых учет рассматривается как совокупность методов и методологий регистрации и представления пользователям финансовой информации, информационная технология, обслуживающая другие социально-экономические практики — торговли, финансов, кредитования, государственного управления и др.

<sup>6</sup> Термин «перекладка отчетности» применяется в отношении трансформации отчетности, составленной в соответствии с одними стандартами (например, российскими) в отчетность по другим стандартам (например, МСФО).

<sup>7</sup> Речь идет о выборе учетных принципов, степени «креативности» учета, систем внутреннего контроля и аудита и т.п.

<sup>8</sup> Отметим, что пример этот не универсален, поскольку единая и общеизвестная система нумерации счетов существует не во всех странах. Однако в России, с ее единым планом счетов и формами отчетности, такая функция у нумерации есть, и профессионалы однозначно понимают, о чем идет речь, если говорят «Счет 20» или «Форма Т-12».

<sup>9</sup> Отметим, что российский ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ, ст. 2., п. 14) в качестве цели стандартизации называет не повышение эффективности взаимодействия в обществе, а лишь «достижение упорядоченности в отношении объектов стандартизации».

<sup>10</sup> Помимо возможности управлять унитарными экономическими субъектами, стандартизация информационного обмена в бухгалтерском учете позволяет управлять и сетями агентов. Такие возможности были известны еще в Средние века, когда североитальянские банкирские дома Медичи, Барди, Перуцци и др. контролировали свои покрывавшие всю Европу финансовые сети посредством единой системы двойной записи (см., напр.: [Вруер, 1993; Ле Гофф, 2010]).

<sup>11</sup> Позитивистский подход в исследованиях означает такую позицию, которая ставит во главу угла описание существующей вокруг исследователя реальности, поиск закономерностей, лежащих в ее основе, и подтверждение гипотез о природе этой реальности (дескриптивный анализ).

<sup>12</sup> Конструктивистский подход — альтернатива позитивизму в социально-экономических науках — предполагает, что задача исследователя — поиск условий и возможностей для создания иной, лучшей реальности, новых норм и правил функционирования общества и других социальных единиц (нормативный или прескриптивный анализ).

Вопрос о том, должен ли анализ быть дескриптивным или прескриптивным, в других разделах экономической науки еще стоит на повестке дня [Болдырев, 2011, с. 63], однако в учете он находит однозначное решение — в полном соответствии с конструктивистской позицией [Barnes, 1988]) акторы, участвующие в разного рода учетных практиках, являются создателями той институциональной реальности, в которой они же действуют.

<sup>13</sup> См., напр.: <http://expert.ru/siberia/2014/38/trudnosti-audita/> (проверено 6.02.17).

<sup>14</sup> Например, сверхжесткие требования к прозрачности эмитентов могут приводить к оттоку эмитентов с бирж, как это было, например, на Нью-Йоркской фондовой бирже [Ружанская, 2010, с. 179].

<sup>15</sup> В этой череде банкротств — Enron и последовавший за ним Arthur Andersen, а также Worldcom, Parmalat, Barings Bank, BCCI, Polly Peck, Lehman Brothers и множество других, не столь крупных компаний.

<sup>16</sup> См., напр.: [https://en.wikipedia.org/wiki/List\\_of\\_banks\\_acquired\\_or\\_bankrupted\\_during\\_the\\_Great\\_Recession](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_banks_acquired_or_bankrupted_during_the_Great_Recession) (проверено 14.06.17).

<sup>17</sup> МСФО (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (ред. от 18.07.2012), введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 18.07.2012 № 106н. Определение Fair Value см. также в SFAS 157: [http://www.fasb.org/pdf/aop\\_FAS157.pdf](http://www.fasb.org/pdf/aop_FAS157.pdf) (проверено 6.02.17).

<sup>18</sup> П. 82 МСФО 13.

<sup>19</sup> См. также <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0782:FIN:EN:PDF>, и <http://www.chicagobooth.edu/capideas/Jul06/1.aspx>, <http://www.chicagobooth.edu/capideas/mar07/3.aspx>.

<sup>20</sup> О механизмах надувания и схлопывания финансовых пузырей см.: [Боннер, Уиггин, 2008, главы 1, 2, 4], а также [Gorton, 2010].

<sup>21</sup> См., напр.: материалы Федеральной резервной системы США: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/18/AR2008061803225.html>; <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/GPO-FCIC/pdf/GPO-FCIC.pdf>

<sup>22</sup> Хронология решений ЦБ в ходе кризиса декабря 2014 г. см., напр.: <http://www.interfax.ru/business/416347>

<sup>23</sup> В связи с этим отметим утверждение Ф. Фукуямы: «Между правилами и доверием существует обычно обратная зависимость: чем больше людям нужны правила, которые регулируют их действия, тем меньше они доверяют друг другу, и наоборот» [Фукуяма, 2004, с. 36]. Хотя Фукуяма рассматривает в своей работе лишь разные уровни доверия между людьми в обществах, а не смену того, чему именно доверяют, интересно его противопоставление доверия правилам, а также возможность изменения уровня доверия по спирали [Там же, с. 370].

<sup>24</sup> К сожалению, в профессиональных сообществах экономистов не уделяли этому эффекту должного внимания. В 1980-е гг. лишь философы видели опасность в такой симуляции (см., напр.: [Бодрийяр, 2013]. Франкоязычный оригинал этого перевода вышел в 1981 г.)

<sup>25</sup> Числа, которые служат базовыми элементами доверия институтам, способствуют упрочению сетей тех акторов, которые их производят и используют. Более того, исследователи отмечают, что числа выглядят более надежными, если исходят от лиц на верхних ступенях социальных иерархий, доверие к ним зависит от положения тех, кто ими оперирует [Espeland, Stevens, 2008, с. 422]. По мере развития и упрочения таких сетей растет и потребность во все большей стандартизации и квантификации информационного обмена.

<sup>26</sup> См., напр.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Международная\\_стандартизация](http://ru.wikipedia.org/wiki/Международная_стандартизация), <http://instandard.ru/>, [http://ru.wikipedia.org/wiki/Международные\\_стандарты\\_финансовой\\_отчетности](http://ru.wikipedia.org/wiki/Международные_стандарты_финансовой_отчетности) или [http://ru.wikipedia.org/wiki/Social\\_Accountability\\_8000](http://ru.wikipedia.org/wiki/Social_Accountability_8000)

<sup>27</sup> Концепт аудита, финансовый по своей природе, в последнее десятилетие в русском языке оброс периферийными концептами: экологический, производственный, операционный, внутренний, государственный, инвестиционный, энергетический, социальный аудит, аудит персонала, эффективность, сделок, трудовой сферы, медиа-аудит и даже PR-аудит (список неисчерпывающий). В зарубежных практиках это произошло несколько раньше.

<sup>28</sup> Этот переход совпадает по времени с отмеченным Фукуямой [Фукуяма, 2004] снижением общего уровня доверия в обществах, в первую очередь американском. Корреляция этих процессов требует дополнительных исследований.

<sup>29</sup> Впрочем, недостаточная прозрачность также негативно воспринимается обществом, что, в свою очередь, тоже ведет к уменьшению доверия.

<sup>30</sup> Имеется в виду первое, французское издание (Baudrillard, 1990).